

**Из воспоминаний Пасько Антона Антоновича
лейтенанта, ком. роты 796 сп**

«Мы вступили в бой на рассвете 22-го июня 1941 года на территории Пархачской погранкомендатуры, Крестопольского района, Львовской области, но надлежащего сопротивления оказать не могли. На войне важен каждый патрон, а у нас их было совсем мало, потому что приехали сюда выполнять сложные и срочные земляные работы, ускорить строительство приграничных ДОТов.

Где-то в первой половине июня 1-й батальон 796-го сп 141-й сд (командир майор Осадчий), полковая школа (командир лейтенант Карпенко), с нами и командование полка - командир полковник Тихомиров, комиссар – батальонный комиссар Сапожников, начштаба капитан Маламуд (?) приступил к исполнению работ. Командовал 141-ой стрелковой дивизией 6-ой армии генерал-майор Тонконогов.

Вновь окружение. Вот в этом леску были наши из 796-го стрелкового полка, старшим среди них был старший политрук Безрук. А сейчас немцы.

Собираю остатки роты. И четырех десятков нету. Большинство – мобилизованные. Ни одной гранаты!

Стараясь быть поспокойнее, говорю про окружение, про то, как будем выходить из него, что бояться нечего (мне не впервой выходить, они об этом знают), что быстрейший выход из окружения зависит от нашей организованности... Я не окончил – пригнувшись к нам приближается наблюдатель: - Танки в пшенице!

Невесёлые дела. Четыре танка с коротенькими стволами пушек, нет и трёхсот метров! Кто-то необычно весёлым голосом спрашивает: - А что, на броне к своим доедем?

- Не та это броня, что к своим возит, - ответил я и, сбросив автомат ППД из-за спины в руку, негромко скомандовал: - За мной, не отставать!

- Спите, я сам останусь за дневального; ночью всем придётся делать «шире шаг!». Уснули все мгновенно. Тридцать два человека, я тридцать третий. Вот они спят передо мной, мои бойцы. Большинство из них старше меня. Жизнь каждого из них в моих руках. Приму я правильное, умное решение – мы достигнем цели, пробьёмся к своим; сделаю ошибку – погибнем все.

Постепенно мысли мои меняют направление, меня берут сомнения – всё ли дело в правильном моём решении, надо ещё, чтоб повезло. Разве неправильные решения принимал наш командир полка полковник Тихомиров? А вот не повезло - и тяжело ранен под Почаевом. Или капитан Фоменко – уж не боевой ли начштаба был? Наехал конём на немецкую мину и – нет капитана Фоменко. Тут ещё как повезет.»

Пробилась эта сборная группа л-та Пасько и вышла в район обороны Особого отряда истребителей танков (видимо 44-ой дивизии) под командой м-ра Чиркова. Вернее остатков отряда, в котором не осталось никаких противотанковых средств, а в строю всего около сотни бойцов. Пасько остался в этом отряде в качестве командира разведроты, учитывая его боевой опыт многократного выхода из окружения. (в и-нете нахожу: м-р Чирков Александр Михайлович, 1904г.р., 44-ая сд., тоже пропал без вести).

«Замечаю, что из моего радостного настроения ничего не осталось. Действительно, кто мы сейчас? Ни связи с дивизией, ни боепитания (про пищу я и не говорю – мнѐм колоски пшеницы), никакой информации – где наши, где немцы? Вслепую бредѐм степью, этим морем пшеницы, а кого встретим неизвестно. Хорошо, чтоб это были наши. А если враг – будем стрелять из всех видов оружия, бросим гранаты, ударим врукопашную.

Я осматриваю ряды разведчиков – да с такими орлами кого-то бояться? Нюхали ребята пороху, да и немало! Не один немчик кровью умылся от ихнего оружия, не у одного из них немецкий «вальтер», или «парабеллум» в кармане, а немецкие гранаты торчат за поясом. Посматривают на меня (железа на мне немало!). На груди у меня автомат ППД, снаряжѐнный на 73 патрона, да два запасных диска, четыре гранаты Ф-1, пистолет ТТ.

Что там в пшенице? Каски, каски. Поднимаю руку, показываю. Внимание, впереди пехота! Майор подбегает ко мне: - Надо узнать, кто. Если наши – нас больше станет, если враги – ударим и будем пробиваться!

Приказываю: - Командиру отделения Старостенко, узнать кто там проходит. Вперѐд, бегом марш!

Но наши так не ходят. Машинально рука взводит затвор автомата. Так и есть. Низко посаженные глубокие каски, унтер-офицерские галуны. Немцы! Полуобернувшись к своим кричу – немцы! Разведрота, ко мне!

Ком цу унс, кричу почему-то немцам, а у самого мысль – первыми выстрелить и – в атаку! Секунды спрессованы. Быстрее! Сердце вырывается из груди. Дистанция до врагов – 200 метров. Они остановились, кто-то сзади них кричит, как резаный, что-то командует. Моя рота мчитя вперѐд сверкая плоскими штыками самозарядок и тонкими четырёхгранными штыками трѐхлинейок. Какую-то долю секунды я люблюсь ими, открытыми мужественными лицами, решительным видом – не ждал, что они такие молодцы. Командую: - По немцам – огонь! Бей немчуру! Мой автомат сечѐт длинными очередями, быстро меняю магазин, строчу. Кругом гремят выстрелы, все разведчики стреляют из винтовок, стучат пулемѐты «ДП». Только теперь вижу – немцы стали стрелять в ответ, но их разрывные пули разрываются в стеблях пшеницы, не долетая до нас. Вот почему перед нами резкие хлопки и взлетает солома.

- В атаку, вперѐд, за мной! Бей немцев! Ура! Прокатилось могущественное «Ура!». Лишь несколько выстрелов бахнуло нам в лицо с близкого расстояния. Истоптана, изломанная пшеница, в разных позах побитые немцы, ствол миномѐта, не присоединѐнный к плите (не успели!), миномѐтные лотки. Брошенные противогазные коробки, мертвый немец с длинной пулеметной лентой через плечо.

Возбуждѐнные, тяжело дыша остановились, чтобы оглядеться. Теперь мы занимаем левый фланг всего отряда, который уступом справа и сзади нас дружной стрельбой гонит немцев весьма быстро. Впереди нас снова забегали, засуетились каски. Наверное новые, видно к немцам подошло подкрепление.

-- Вперѐд, за мной! Бегу и думаю: хорошо, что мы первые ударили, сбили немоту, может так и к своим пробьѐмся.

Просвистела первая мина, - ага, огрызаетесь! Дайте только ближе подойти – куда только ваши «гранатверферы» денутся! В пшенице легко маневрировать, обойдём. Но у этих проклятых душ, оказывается, не один миномёт!

-- Короткими перебежками, за мной!

Миномётная батарея перешла на беглый огонь, фонтаны земли густо поднимаются среди нас. Лишь оторвавшись грудью от земли в очередную перебежку, всем своим существом почувствовал, что вот эта мина свистит прямо сюда...»

На этом я прекращаю цитировать Антона Антоновича, дальше своими словами: В этом бою он получил серьёзное ранение ноги и тяжелую контузию. Через какое-то время очнулся; снаряжения и оружия нет, карманы вывернуты. Видимо сочли убитым. Послышались то там, то там крики, одиночные выстрелы. Понял – немцы добивают раненых(!). В первый месяц войны это казалось диким – подлейшее дело! Отполз в сторону, обошлось. С трудом оторвал штанину, кое-как перевязал рану. На поле боя нашел окровавленный «парабеллум» с пятью патронами и три гранаты. Вооружился и пополз в направлении села.

Из рассказа племянника Пасько А.А. Николая Пасько

Этот последний бой лейтенанта Пасько (в первый период войны) случился в воскресенье, 27-го июля 1941 года у села Дыковичево, Кировоградской области, недалеко от Умани.

К утру дополз до села, попал в подворье Непритворного Андрея Михайловича, который оказал помощь и накормил, а когда немцы пришли с обыском так спрятал, рискуя своей жизнью, что немцы не нашли. Конечно, Антон немедля после этого переполз через дорогу в какие-то старые сараи, чтоб не подвергать смертельной опасности семью Непритворного. Запомнил, что когда переползал дорогу, переодетый в какое-то рваное гражданское старье, немцы, которые с ведром и лопатой шли копать картошку, подумали, что видят пьяницу, смеялись и кричали: - Pan, zu viel trinken Schnaps?

Потом жандармы обнаружили. Ясно, что если молодой, раненый, значит солдат. Загнали в концлагерь под Винницей. Оттуда убежал, нашел партизан, да и геройски воевал – это целая военная приключенческая повесть, которую я как знал и как мог и написал. Сейчас эта повесть, вернее сборник рассказов, издается вторым изданием.